

Переговоры с Revisionsbank относительно кредитного договора с Braendselsgeschaft. Он же урегулирован для Braendselsgeschaft как твердый кредит на тех же условиях, как Ваш заем: подлежит оплате лишь через 5 лет после войны. Составлен кредитный договор Revisionsbank.

Составлен окончательный документ на 6 миллионов крон между Вами и угольной фирмой на датском и немецком, и вопрос с моей стороны готов.

В конце отчета о деятельности старшего адвоката Ааге Фауршоу, где речь идет о миллионах, адвокату приходится еще раз напомнить Гельфанду о внесении давно подлежащих уплате 12 крон налога на собак, а Гельфанд стремится, насколько возможно, затянуть уплату этой смехотворной суммы сбора датскому налоговому ведомству за относящиеся к этому делу документы:

Переговорено с гербовыми службами из-за отсрочки гербового сбора за документы. Решено, что гербовый сбор в 12 кр. оставляется на дальнейшее.

«ВЫСКАЗАТЬ, ЧТО ЕСТЬ»

Захват власти в Петрограде был детской игрой, скромно говорит Ленин о событии, которое в книгах по истории будет названо революцией, изменившей мир. То, что в действительности происходит в ночь на 26 октября 1917 г. в Петрограде под покровом темноты, следует охарактеризовать как совершенно недраматичное событие. Едва нарушая ночной покой, большевики и сочувствующие им захватывают один за другим мосты и вокзалы, почтовые и телеграфные ведомства, банки (пустые). Нигде нет сопротивления, выстрелы едва слышны. Взрывная сила этого поначалу тихого революционного события заключена в бесконечных кровавых боях, которые последуют потом.

Официально находившийся до предыдущего дня на посту премьер-министра Керенский уже в 9 часов утра выбрался из города в униформе сербского офицера. Точнее говоря, он уехал в автомобиле посольства США с флагом посла и сотрудни-

ком посольства за рулем. Два господина мчатся из революционного города в направлении Пскова. Керенский якобы не бежит, как он считает нужным оправдываться еще годы спустя, а пытается забрать войска с фронта и вновь захватить Петроград. Однако в Ставке российского Северного фронта едва ли можно найти кого-то, кто бы хотел пойти ему навстречу или поддержать его. Войковые командиры больше не хотят пускаться в подобную игру ва-банк. Керенскому удается лишь сбратить некоторые мелкие части, с которыми бывший военный министр и премьер направляется к Петрограду, против революционеров-большевиков. Через Лугу и Гатчину кучка войск Керенского доходит до Царского Села. Там, всего «в двух часах езды» от Петрограда, солдаты отказываются двигаться дальше, и всадники слезают с лошадей. Это означает окончательный крах контрзахватнических планов Керенского.

То, что исторически значимый и чреватый последствиями ночной захват власти происходит без мощного сигнала к штурму и длительной канонады, объясняется тысячами предыдущих действий и акций. Хватило одного звукового сигнала вечером, холостого выстрела маневренным снарядом с борта почтенно-го возраста крейсера «Аврора». Так было условлено, в известной мере в качестве стартового выстрела к штурму Зимнего дворца, где министры Керенского ожидают подмоги. Здесь больше не нужно штурмовать бастионы, т. к. министры отдают своей наскоро собранной для защиты здания группе, горстке готовых к стрельбе военных курсантов, участницам доброволь-ного женского батальона и команде велосипедистов, команду не стрелять, когда придут красногвардейцы. Не должна пролиться кровь, говорят министры Керенского, и они имеют в виду, разумеется, свою собственную кровь.

Через незакрытые и едва забаррикадированные двери боковых входов во дворец и открытые окна революционеры, не встречая заметного сопротивления, вторгаются в здание и арестовывают министров Керенского. Под охраной их доставляют в Петропавловскую крепость. Их приходится защищать от собравшейся тем временем в революционном центре толпы, готовой к расправе. Кровь в эту ночь не проливается, «детская

игра» быстро заканчивается. Правда, много крови еще будет пролито в последующие годы, во время беспощадной много-летней Гражданской войны. Историки этого века будут говорить о «белом» и «красном» терроре. Уже в оценке «Февральской революции», которую многие называют буржуазной, мнения расходятся. Одни считают эту первую, буржуазную революцию 1917 г. со свержением царской системы решающей, для других лишь Октябрьская революция с захватом власти большевиками становится действительно значимым, изменившим мир событием.

Лишь 10 лет спустя, уже при единовластии Сталина, «Великая Октябрьская социалистическая революция» с ее «штурмом Зимнего дворца» будет представлена как художественный и кинематографический образ, запоминающийся в зрелищном и драматургическом отношении, в фильме режиссера Сергея Эйзенштейна. В 1927 г. статисты штурмуют главный подъезд Зимнего дворца, запечатленный в картине как архитектурный символ последнего бастиона исторически перезрелого и устаревшего общественного строя. Историческое событие представлено зрителю как очень простая и однозначная акция: добрые побеждают злых, морально опустившееся старое терпит поражение, а доброе, справедливое, новое пробивает себе путь, сопровождаемое большими надеждами на лучшее будущее. Это запечатлено на десятках тысяч картин, на метровых пестрых настенных коврах, в бесчисленных речах, вновь и вновь представляется в театрах и на ритуальных демонстрационных процессиях. Донесено до последнего уголка собственной страны и до всего мира. Это своего рода современная революционная панорама, широкоэкранная икона, благоговейно преклоняясь перед которой становится обязанностью и потребностью миллионов людей. Ставшая картиной надежда навсегда оставить позади нужду и бедствия своего времени.

Напротив, трезвый аналитик Ленин «высказывает то, что есть»: детская игра, тяжелое еще впереди. Но об одном он не говорит и в дальнейшем: чем все было оплачено, какие деньги будут и далее щедро течь еще некоторое время, чтобы покрыть издержки революции? И что там было с германскими деньга-

ми? – Но почему Ленин не пользуется случаем, чтобы теперь, после захвата власти, открыто положить финансовые карты на стол?

Это все равно когда-нибудь выйдет на свет, ничто нельзя утаить от истории, об этом Ленин знает. И ведь теперь, когда и «другая сторона» очень предприимчива в финансовом отношении, он и его люди могли бы открыто сказать о своих денежных источниках. Конгресс США как-никак одобряет к этому времени громадный долларовый кредит для создания второго пути на «сибирской жизненной артерии», единственной железнодорожной магистрали от Тихоокеанского побережья поперец Сибири до Европейской России. Для оружия, боеприпасов и солдат, которые должны быть задействованы против нового правительства – большевиков. Две державы Антанты, Великобритания и Франция, также начинают реализовывать программу денежной помощи противникам большевиков.

В Берлине ошиблись все те, кто преждевременно считал, что с захватом власти Лениным, с Октябрьской революцией, германская политика революционизации пришла к успешному завершению и поток германских миллионов может иссякнуть раз и навсегда. Совсем наоборот: дело только начинается по настоящему! Новые власти имущие не могут ничего почерпнуть из захваченных государственных касс своего предшественника Керенского, т. к. кассы Керенского пусты! И нужно спешить. Выясняется, что мечта Гельфанд в 1915 г. о финансировании с помощью 20 миллионов рублей всей российской революции была все-таки слишком наивным представлением. Теперь, в конце 1917 г., после революции, спросом пользуется чувство реальности.

Когда читаешь фолиант германского Министерства иностранных дел за период «с 1 ноября 1917 г. до 28 февраля 1918 г., том 23», то тайные акты «Мировая война. 11 с. Секретно» выглядят почти текущей бухгалтерской книгой германо-российской истории. Ничего не осталось от хладнокровного спокойствия после октябрьского штурма 7 ноября (25 октября). На против, в Министерстве иностранных дел, в Генеральном штабе, в его секретном отделении IIIb, в руководстве Рейха в

Берлине распространяется нервозная лихорадка. Запрашиваются срочные доклады о положении новых правителей. Ширятся опасения, смогут ли удержаться люди Ленина, и если да, то как долго еще? И прежде всего: удастся ли им официально заключить столь настоятельно необходимый сепаратный мир с Германией на Восточном фронте?

Уже через 2 дня после захвата власти в Петрограде в Берлине выделяется 10-миллионная сумма. Сидя за подготовкой распоряжения, статс-секретарь казначейства Рейха от руки корректирует цифру полученного письма в сторону увеличения: 10 миллионов превращаются в 15. И необходимое «ускорение по мере возможности» отмечается особо. Письмо от 9 ноября 1917 г. гласит:

Берлин, 9 ноября 1917 г. Сегодня.

Господину статс-секретарю казначейства Рейха.

Имею честь просить Ваше Превосходительство, ссылаясь на договоренности посланника фон Бергена с господином министром альянс-директором Шредером, милостиво предоставить в распоряжение Министерства иностранных дел для политической пропаганды в России сумму в пятнадцать миллионов марок за счет главы 6, раздел II, чрезвычайного бюджета. В зависимости от развития событий позволю оставить за собой право вскоре обратиться к Вашему Превосходительству с просьбой о согласии на выделение дальнейших сумм. Был бы признателен за ускорение по мере возможности.

Уже назавтра следует подтверждение со стороны статс-секретаря графа Редерна из Имперского казначейства:

Министерству иностранных дел в главе брасходов чрезвычайного бюджета, раздел II, выделяются дальнейшие 15 000 000 м.

Граф Редерн.

В главную кассу Рейха.

*Господину статс-секретарю
Министерства иностранных дел*

На письмо от 9 ноября — A.S. 4181/27431 — копия для любезного сведения.

[Подпись:] Граф Редерн

Отдельного дипломатического представителя кайзера в Дании также поступает озабоченное сообщение: Ленину и его людям нужно больше денег, чтобы удержаться у руля революции.

Брокдорф-Ранцау посыпает из Копенгагена с рутинной отчетной депешей Министерству иностранных дел № 1329, где сообщается о небольшой сумме в 20 000 марок для информанта Л. и запрашивается подтверждение на нее, срочное указание, что Ленин через три дня после победоносной Октябрьской революции по-прежнему нуждается в помощи Германии:

*Копенгаген, 10-го,
сдано 11 ноября 1917 12 часов 30 утра. Прибытие: 11 ноября
5 часов 10 утра.*

Императорский поверенный в делах Министерству иностранных дел

№ 1329

*Ссылаясь на телеграмму № 812 х
от 3 ноября*

Л., получивший до сих пор 2000 крон = 5000 марок, срочно просит о дальнейших 20 000 марок; сумма нужна в основном для поездки двух доверенных людей в Петербург; поездка необходима, т. к. письменное поддержание контакта с З. сейчас слишком неизвестно. Следует ускорить все дело, дальнейшая бездеятельность здесь могла бы вызвать подозрение.

Прошу телеграфного указания.

Далее Л. просил сообщить по телеграфу свою нижеследующую оценку положения, также для информирования Берна:

«Ленин нуждается для реализации своей программы в помощи Германии».

Из документов неясно, прибыли ли два доверенных лица Л. в Петроград (Петербург) еще своевременно, к 7 ноября (25 октября).

Получатель депеши в Министерстве иностранных дел немедленно пишет текст ответа Брокдорф-Ранцау — из-за спешки от руки:

Берлин, 11 ноября 1917

Миссия Копенгаген

На тел. № 1329

20 000 м. для Блау согласованы. Он может сообщить в Россию, что Имп. Правительство в отношении целей войны по-прежнему стоит на почве резолюции Рейхстага. Если необходимо, это будет при следующем случае официально подтверждено.

В Берлине возникает вопрос, нужен ли еще вообще Гельфанд с его рафинированно сконструированными экспортно-импортными трюками, с его несколько медлительным перемещением денег взад-вперед, с требующим времени «отмыванием денег» при неясном положении после революции. Не могут ли теперь использоваться другие, более быстрые, «короткие» связи? Как оценить положение в Петрограде? Министерство иностранных дел немедленно нуждается в реалистичных оценках. Тут господа из Министерства иностранных дел могут положиться только на господ из отделения IIIb Генерального штаба. IIIb 11 ноября сразу же посыпает Министерству иностранных дел копию своей последней «оценки положения» из Петрограда. Из нее видно, что ситуация у получателей денег в Петрограде представляется еще очень неясной:

Отделение IIIb, 11.11.17

№ 44277 Секретно

С.-В. Верх. Ост.

Положение в России по сообщениям, поступившим до 11 часов утра:

1) 10-го пополудни: Керенский издает приказ № 314: призыв к исполнению долга. Каждый должен оставаться на своем посту, как он (Керенский) останется на своем посту Главнокомандующего.

Приказ подписан Цуриковым, командующим 6-й армией, Петровским, комиссаром 6-й армии, Грейбекле, председателем армейского комитета.

2) 10-го вечером и 11-го утром: следуют выступления по радио военно-революционного комитета с контрзаявлениями и призывами к подчинению новому законному правительству. Призыв к солдатам на фронте поддержать своих братьев в Петербурге. Рабочее и крестьянское правительство приступило к переговорам о мире. Все народы без исключения должны заявить о своей готовности закончить войну на равно справедливых условиях. Всем народам было предложено перемирие (минимум на 3 месяца).

3) Казаки, видимо, все еще на стороне Керенского.

4) Ленин называется председателем нового Министерства.

5) Войска Керенского находятся 10-го вечером на линии Гатчина — Царское Село.

Общая оценка:

Положение еще неопределенно. Казаки и армейские комитеты большей частью находятся еще на стороне Керенского; среди казаков, кажется, существует раскол. В стране новое правительство приобретает поддержку. На фронте, в зависимости от состава комитетов, высшим руководством распространяются сообщения о перевороте в духе Керенского. Пропаганда действительно работает против этого.

Рассылка: ПВ фронтам, от С.-В. до Южного, Макензену, эрцг.^{*} Иосифу.

То, что доверительно рассыпается в качестве стратегического анализа положения Генеральным штабом в Берлине важнейшим инстанциям и командующим Восточного фронта фон Макензену и эрцгерцогу Иосифу (австро-венгерские войска), выглядит у Ленина более уверенным в победе. Еще 25 октября в 10 часов утра прессе передается заявление, которое должно наглядно разъяснить населению ситуацию с его точки зрения:

К гражданам России.

Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов Военно-Революционного комитета, стоящего во главе Петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства — это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!

Военно-Революционный комитет при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов.

Эти слова Ленина анализируются в Берлине с большим вниманием. Самое важное в данный момент — это формулировка «немедленное предложение демократического мира». Это касается центрального и исходного пункта многолетних представлений о стратегических целях в Берлине. Высокие берлинские руководящие инстанции жадно воспринимают все сообщения, проясняющие соотношение сил в Петрограде.

Эксперты на дипломатических постах тоже должны представлять доклады, из Копенгагена, Стокгольма, Берна поступают сообщения. Это чрезвычайное трио по революционизации России в состоянии давать глубокие оценки через свои информационные каналы. Барон фон Ромберг из Швейцарии, «путеводитель» большого «эмigrantского обоза», секретно сообщает 26 ноября, на второй неделе после революции в Петрограде, господину фон Бергену в Министерство иностранных дел в Берлине, что запрошенные средства помочи с юга, из Швейцарии, надежным путем следуют «наверх», т. е. через Скандинавию в Петроград.

Господин фон Берген отвечает немедленно:

Секретным шифром.

Берн № 1367 через Леррах.

Секретно. На тел. № 1895.

По имеющимся сообщениям, правительству в Петрограде приходится бороться с большими финансовыми трудностями. Поэтому очень желательно направить ему денег. Берген.

Рукописная пометка на полях указывает, что об этом должен быть проинформирован и господин Надольный.

В то время как германской стороне вновь приходится усиленно работать над тем, чтобы доставить в Петроград крупные финансовые средства для обеспечения власти революционеров, державы Антанты, Англия и Франция, пытаются опять превратить денежную компанию немцев с большевиками в предмет для обсуждения мировой общественности. Гельфанд со временем «клеветы» в июле постоянно находится в затруднительном положении.

Англичане вновь атакуют по месту деловых акций Гельфанда в Копенгагене. С помощью датских журналистов здесь, в Копенгагене, месте нахождения гельфандовского центра, им удается опять подогреть июльские обвинения акции Переверзе-ва—Керенского. Ситуация становится неприятной не только для Гельфанда: германский посланник граф Брокдорф-Ранцау также указывает Министерству иностранных дел на целенаправленную акцию англичан против Гельфанда. 25 ноября он шифром телеграфирует в Берлин:

Императорский посланник

Министерству иностранных дел.

Антинемецкая консервативная датская газета «Копенгаген» (København) помещает резкие выпады против д-ра Гельфанда с тенденциозным изображением его политической деятельности. Газета указывает на якобы опасную для нейтралитета Дании работу Гельфанда во время войны и намерена продолжать разоблачения.

Узнал из достоверного источника, что нападки исходят от доверенных людей здешней английской миссии; статьи первоначально предлагались сотрудникам Nationaltidende и Berlingske Tidende, но были отклонены этими газетами.

Действия английской миссии доказывают значимость, которая придается деятельности Гельфанда со стороны наших врагов. Ранцау.

3 декабря статс-секретарь Министерства иностранных дел Кюльман, практически выполняющий функции министра, рассыпает в своем роде принципиальный анализ, резюмируя ис-

ходные цели, успехи, проблемы и текущую ситуацию через 4 недели после революции. Эта принципиальная оценка, ссылающаяся в конце документа на руководящие директивы германского кайзера («Е.В.») и содержащая просьбу «представить соответствующий доклад Е.В. и телеграфировать мне Высочайшие указания», дает интересный взгляд на мир политических идей и представления о целях у германского государственного руководства. Бумага несколько напоминает характер правительственного заявления относительно тайной дипломатии и практики политических заговоров, которое в то время в столь компактной формулировке едва ли можно найти в другом документе. Обширный текст гласит:

На тел. № 1771.

Разрушение Антанты и, как следствие, образование новых, приемлемых для нас политических комбинаций является важнейшей дипломатической целью войны. Самым слабым звеном во вражеской цепи представлялось российское кольцо; поэтому было необходимо его постепенно расшатать и, если возможно, удалить из цепи. Этой цели служила деструктивная работа, которую мы организовали за линией фронта в России, в первую очередь поощрение сепаратистских тенденций и поддержка большевиков. Лишь средства, притекавшие большевикам с нашей стороны по различным каналам и под разными вывесками, позволили им оформить «Правду», их главный орган, вести оживленную агитацию и сильно расширить первоначально узкую базу их партии. Теперь большевики пришли к власти; как долго они смогут удержаться у власти, пока еще неясно. Для укрепления их собственного положения им нужен мир; с другой стороны, мы всецело заинтересованы использовать их, быть может, лишь краткое время правления, чтобы прийти сначала к прекращению огня, затем, если возможно, и к миру. [Плохо читаемая рукописная вставка: «О более далеко идущей поддержке ... не может быть речи».] Заключение сепаратного мира означало бы реализацию желанной цели войны, разрыв России с ее союзниками. Мощь напряженности, необходимо выпекающей из этого разрыва, будет определять интенсивность потребности России в близости к Германии и ее будущее отношение

ние к нам. Объявленная вне закона своими прежними союзниками, брошенная на произвол судьбы в финансовом отношении, Россия будет вынуждена искать поддержки у нас. Мы сможем предоставить России нашу помощь в различных направлениях; прежде всего, видимо, при упорядочении и восстановлении железнодорожных предприятий (я думаю при этом о германо-российской комиссии, руководимой нами, которая в интересах ускоренного возобновления грузового сообщения должна была бы организовать целесообразное использование дорог на основе единых принципов); затем путем предоставления крупного займа, который необходим России для поддержания функционирования государственного механизма. Он мог бы быть предоставлен в форме кредитов зерном, сырьем и т. д., которые Россия должна будет поставить и за отправкой которых должна была бы следить указанная комиссия. — На базе подобного содействия, которую еще предстоит сформировать в зависимости от потребностей, со временем происходило бы, по моему мнению, растущее сближение между двумя странами.

Австро-Венгрия будет следить за процессом сближения с недоверием и не без озабоченности. Я хотел бы расценить чрезмерно усердное стремление графа Чернина договориться с русскими, как желание опередить нас и помешать неудобному для Дунайской монархии формированию тесных отношений между Германией и Россией. Мы не должны участвовать в этой гонке за благосклонность России. Мы достаточно сильны, чтобы спокойно выждать; мы в гораздо большей мере, чем Австро-Венгрия, в состоянии предоставить России то, в чем она нуждается для восстановления своего государства. Я с надеждой смотрю на дальнейшее развитие дел на Востоке, но считаю целесообразным пока что проявлять известнуюдержанность по отношению к австро-венгерскому правительству во всех вопросах, касающихся обеих монархий, также и в польском вопросе, чтобы на всякий случай сохранить свободу рук.

Развитые выше мысли находятся, как я смею предположить, в рамках директив, данных мне Е.В. Прошу представить соответствующий доклад Е.В. и телеграфировать мне Высочайшие указания.

Германский кайзер предложил Кюльману 29 ноября вступить «с Россией в своего рода союзнические или дружеские отношения» на ожидавшихся тогда мирных переговорах. Кюльман, как часто бывало при крайне важном анализе положения или при долгосрочном планировании политических решений, привлек к формулированию ответного письма германскому кайзеру свою «самую способную политическую голову» в Министерстве иностранных дел, посланника фон Бергена. 3.12.1917 г. Кюльман передает этот текст, набросанный фон Бергеном 1.12.1917 г., Его Величеству, высшему германскому государственному рулевому.

«ПЕРВАЯ АПЕЛЬСИНОВАЯ КОРКА»: ФИНЛЯНДИЯ

То, что Ленин в состоянии определенной личной паники в июле 1917 г. сломя голову бежит в Финляндию, не является результатом случайного решения. ТERRитория для бегства — Финляндия — избирается целенаправленно. Никто не знает лучше Ленина, что «апельсиновая корка» — Финляндия, наряду с Украиной, возможно, даже больше Украины, сильнее всего проникнута устремлениями к национальной независимости от Российской империи.

Царь вынужден был после финского восстания 1905 года против царского «превосходства», насильтвенного господства империи Романовых над Финляндией, два года использовать целую Российскую армию, чтобы подавить восстание.

Поэтому Гельфанд в своем принципиальном меморандуме, который он представил 9 марта 1915 г. Министерству иностранных дел в Берлине и который там и во всех других ведущих германских ведомствах, где засели «стратеги апельсиновой корки», нашел столь прочную поддержку, усиленно указывал на Финляндию. Эту страну надлежало первой из «периферийных» территорий выломать, сорвать, «содрать» с многонационального государственного образования. И отмечалось, что Финляндия еще до решающей революции чрезвычайно удобна для доставки известий и грузов и идеально подходит для контра-